

РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ ПЕЩЕР В СОХРАНЕНИИ ГОНИМЫХ КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПОДОНЬЯ

Ю.В. Полева

Волгоградская государственная академия физической культуры

Поступила в редакцию 29 сентября 2008 г.

Аннотация: автор рассматривает причины активного развития пещерокопательства и пещерного затвора среди девиантных религиозных групп Нижнего Поволжья и Области войска Донского. В статье определены формы религиозного опыта, лежащие в основе пещерничества в иноконфессиональных группах; установлены социальные и религиозные факторы, сказывающиеся на воспроизводстве пещерничества. Влияние пещерных затворников на лиц, переживающих кризисные состояния. Выявлены компенсаторные интеграционные и деструктивные влияния пещерничества на сектантские общины. Пещерничество является мощным преобразовательным элементом в духовной жизни, воздействующим на основные компоненты мировоззрения и нормы поведения верующей личности.

Ключевые слова: пещерное подвижничество, пещерокопание, пещерный затвор, старообрядчество, секты, девиация, православие, религиозные гонения.

Abstract: the autor analyses the causes of active advancement of cave digging and cave seclusion among the deviant religious groups in the Lower Volga and the Don Battalion Regions. The paper specifies the forms of religious adventure that underlies cave digging in the non-Orthodox confession groups; social and religious factors have been established that affect propagation of cave digging. The influence of cave diggers on the individuals who undergo crisis period has been investigated. The compensatory integration and destructive effects of cave seclusion on the dissident communities has been revealed. Cave hermitage is a powerful transformation element in the spiritual life that affects the main components of the believer's world outlook and behaviour standards.

Key words: cave digging, cave seclusion, deviant religious groups, the non-Orthodox confession groups, cave seclusion, of cave seclusion

Традиция использования подземного пространства в культовых целях насчитывает многие тысячелетия. Естественные пещеры в культовых целях использовались еще в палеолите [8. С. 38; 15. С. 168] для отправления различных ритуалов. Православная традиция пещерничества восходит к палестинским святыням. Пещерный затвор был одной из форм монашеской аскезы в первых египетских, сирийских, сирийских скитах. Пещерные монастыри, благодаря контактам с Афоном, возникают и на территории Киевской Руси [7]. Многообразный исторически устойчивый феномен пещерного подвижничества проявлялся в различных формах, но православная церковь признавала «спасительным» весьма узкую часть этого опыта.

Нижнее Подонье и Нижнее Поволжье являлись территорией поздней колонизации русским населением, и представляется удивительным проявление

пещерного подвижничества в местах, где почти нет естественных пещер. На территории Нижнего Поволжья, включавшего в себя Саратовскую и Астраханскую епархии, сохранились сведения соответственно о 37 и 9 культовых пещерах, на территории Области войска Донского – о 36 подземных культовых сооружениях (ПКС).

Эти сооружения различались по своей форме, конфессиональной принадлежности. Среди них встречаются не только искусственные пещерные комплексы при православных монастырях и пещерные кельи отшельников, спецификой пещерничества на этих территориях становится активное использование подземных полостей гонимыми конфессиями. Число старообрядческих пещер на территории этих епархий к началу XX в. достигло не менее 31 объекта, сектантских пещер – 21 объекта, в то время как собраны сведения всего о 26 православных ПКС¹.

© Полева Ю.В., 2008

¹ Конфессиональная принадлежность 4 ПКС неизвестна.

Эти данные свидетельствуют, что пещерничество в Саратовской, Астраханской, Донской епархиях развивалось преимущественно за счет девиантных групп – сектантских и старообрядческих. Пещерничество в разных своих проявлениях продолжает существовать и в начале XX в. А сектантское пещерокопательство в этот период в Нижнем Поволжье переживает настоящий подъем благодаря деятельности локальных сект подпольников, а также секте назареев, более известных как еноховцы. Причины воспроизводства этого явления не вполне изучены. Остается открытым вопрос: какую роль играло пещерное подвижничество в религиозной жизни населения и почему оказалось устойчивым к политическим и религиозным преследованиям в XVIII–XIX вв.; почему в начале XX в., когда православные иерархи проявляют беспокойство о массовым отходе народа от церкви [13. Л. 25], пещерничество вновь актуализируется, особенно в сектантстве?

Сегодня возросшие потребности в удовлетворении индивидуальных и коллективных духовных запросов способствуют возрождению православного пещерничества. Возобновилось паломничество к Донским пещерным монастырям: Костомаровскому, Дивногорскому, Усть-Медведицкому. Возникают новые подземные культовые сооружения. Например, в конце 90-х гг. XX в. в г. Волжском Волгоградской области был выстроен подземный храм Иоанна Крестителя. В урочище Подгорском Иловлинского района Волгоградской области на месте бывшего пещерного скита образуется старообрядческая пустынь. То есть возобновляются традиционные коммуникативные системы, по которым циркулирует религиозно интерпретированная информация, служившая для интеграции значимой группы людей. В то же время вновь распространяется пещерничество среди религиозных девиантных групп. Среди 29 сектантов с. Никольское Пензенской области, принявших подземный затвор в ноябре 2007 г., оказались 4 детей. Проблема таких религиозных девиаций требует глубокого осмысления, поскольку в истории известны многие примеры суицидов сектантов в пещерах.

Условия формирования феномена пещерничества в Нижнем Подонье и Поволжье оказались связаны с двумя основными аспектами освоения этого региона русским населением. Во-первых, в XVII в. территории Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья неоднократно страдали от набегов, поэтому одной из первых форм жилищ казаков были землянки-шиши [3. С. 54]. Они обеспечивали

скрытность жилища. В XVII в. появляются оборонительные подземные сооружения близ казачьих городков Глазуновского, Арчадинского [26. С. 30], Сиротинского [22. С. 113] и Качалинского.

Вторым фактором, определившим специфику складывания традиции пещерного подвижничества в этом регионе, стал церковный раскол, в результате которого из православного пещерничества выделяется старообрядческое пещерокопательство. К 1674 г., спустя 8 лет после собора, осудившего старообрядчество как ересь, на Волге, Черемшане уже есть беглые священники, не принявшие реформ Никона и осуществлявшие монашеский постриг старообрядцев [20. С. 274]. С этого времени здесь закладывается традиция пещерничества [10. С. 1256–1258]. На Нижний Чир по приглашению донских казаков пришел известный пещерный подвижник Иов Львовский [17] (старообрядческая пустынь с пещерными кельями, основанная им, существовала вплоть до 30-х гг. XX в.). Однако большинство старцев-старообрядцев старались избегать открытого столкновения с властью. По замечанию В.Г. Дружинина, в политических волнениях старообрядческой войны на Дону в 1686–1688 гг. большинство из старцев-староверов не приняли участия. Их деятельность, за исключением немногих, была направлена на отыскание себе безопасного крова от преследования царской администрации, церкви и стремление оберегать своих духовных чад от сетей «Антихриста» и никониан [5. С. 140]. Для политики государства и церкви в это время характерно отношение к пещерничеству как традиционной форме монашеской аскезы. Преследуется раскол, а не пещерокопательство.

В 1721 г. учрежден Святейший правительствующий синод. Церковь превращается фактически в бюрократический аппарат империи. Меняется отношение к индивидуальным формам аскезы: запрещены затворничество, столпничество и прочие суровые формы подвижничества [21], которые могли усилить авторитет личности подвижника в ущерб авторитета института церкви. Но подвижники по-прежнему продолжали пользоваться особым почтением у населения. На протяжении XVIII–XIX вв. отношение власти к пещерничеству в целом оставалась последовательным – это подавление всех мистических или необычно суровых проявлений индивидуальной религиозной практики и почитания местных аскетов. Усиление религиозного преследования дало обратный результат: староверы подвергли сомнению легитимность не

только духовной, но и светской власти. Подземное убежище противопоставляется остальному миру, обреченному Антихристу. Во многих толках старообрядчества проповедуется уход в пропасти земные, вертепы, пещеры. Вероучение этого толка утверждает, что в мире земном нет спасения от власти Антихриста, что «для избежания его пододает укрыться в вертепах и дебрях или вовсе прекратить жизнь во имя Христа» [2. Л. 33 об.]. Идея «ухода в пещеры и пропасти...» являлась признанием власти Антихриста над миром, отрицанием законности существующей духовной, светской власти (в зависимости от типа секты). Эта идея активно развивается и в последующие периоды разными сектами, возникшими на основе старообрядчества: «голубешниками», странниками и более поздними подпольниками.

С 1827 г. переход в старообрядчество стал уголовным преступлением. Разгром Иргизских скитов привел к выделению различных беспоповских толков, среди которых тоже распространяется пещерничество. Скрытность становится одним из распространенных атрибутов подземных культовых сооружений. Подземные сооружения, создаваемые различными толками старообрядчества, выполняли важную функцию сохранения этих конфессиональных групп. Число подземных культовых сооружений увеличивается к XIX в. Если в XVIII в. в Саратовской епархии известно о 4 – старообрядческих и 3 православных пещерах, то в XIX в. уже известно 18 старообрядческих ПКС различных толков и 9 сектантских пещер. В Области войска Донского в XVIII в. известны 9 старообрядческих и 3 православных пещеры, а в XIX в. обнаружены сведения о 9 старообрядческих, 8 православных и 10 сектантских ПКС. При этом в XIX в. пещерничество часто развивается в усадьбах крестьян среди подпольников. Под жилыми помещениями часто устраиваются кельи и молельни среди беглопоповцев и беспоповцев. При этом гонимость является как бы подтверждением избранности адептов этих толков старообрядчества.

Семантическая нагрузка подземного пространства как «антипространства» проявлялась не только в понимании пещеры как убежища, но и как основы для формирования новой общности, антагонистической принципам существующей легитимной политической структуры. Член секты «назареев» или «подземельников» видел в имперской власти и институтах церкви орудия или воплощение Антихриста, целью которых является физическая и духовная гибель людей: от распро-

странения эпидемий до введения «сатанинских знаков», лишаящих надежды на спасение всех подчинившихся.

Преследования светской власти воспринимаются как своеобразный знаменатель эсхатологических ожиданий для сектантов – ужесточение гонений предвещает не только гибель мира, но и определяет посмертную участь смирившихся с «антихристовым царством». В результате возобновляется практика добровольной смерти в радикальных сектах (душиловцы, скрытники, подпольники). Примеры массовых самоубийств в пещерах известны в с. Костенки Воронежской губернии [25. С. 23] или д. Копены Саратовской губернии [11. С. 512]. Пещера как сакрально выделенное пространство воспринимается сектантами в качестве своеобразного перехода для «избранных» к Царству Божьему, с этой точки зрения практика добровольной ритуальной смерти в глазах сектантов уже не являлась простым самоубийством. В некоторых случаях удавалось зафиксировать, что сектанты, принявшие решение о ритуальном самоубийстве, замуравившись под землей, находились в экстатическом состоянии. Крестьянин, собственноручно выкопавший в подвале камеру, в которой замуравил свою жену с ребенком, так описывал свое состояние: «е слова так подействовали на меня... что мысль о предстоящих мучениях меня не терзала... При мысли о такой смерти мне казалось, что я точно собираюсь в рай. Словом, Виталия как будто околдовала меня. Так точно она подействовала на некоторых других» [16. Л. 23]. Это явление в среде сектантов получило название «красная смерть». Существование этого обряда среди странников и подпольников в свое время вызывало частые дискуссии. Сами странники-статейники прямо отрицали существование этого обряда в секте [4. С. 372]. Однако странничество распалось на несколько направлений. Секта подпольников-подземельников рассматривалась православными миссионерами как радикальное крыло странничества [13. Л. 25] на основании сходства структуры сект странников и подпольников. В этой секте, также как и у бегунов-странников, существовали странноприимцы и старцы-перекрещенцы, обитающие в подпольях [24. С. 631]. В отношении подземных сооружений странники проявляли более утилитарный подход. В их домах обязательно присутствовали тайники и не только подземные: двойные стены, тайные переходы через хозяйственные помещения использовались как временные убежища для бегунов. Специфика секты подпольников-

подземельников – это выделение подземного пространства как священной зоны, доступной только для подпольников-перекрещенцев.

Общинники, входящие в секту, но не прошедшие второе крещение, вели светский образ жизни, сосуществуя с этим сакрально выделенным пространством внутри общины и даже внутри собственного дома: «Но так как горы и вертепы открыты для глаз полиции, то вожаки подпольников имеют в селах странноприимцев, которые делают для них в земле пещеры с тайными входами и выходами и обязаны питать и греть их, а они за них Богу молятся» [23. С. 786]. Странноприимники, надеясь на спасение, полученное через причастность к уходу и заботе о «бегунах» и «подпольниках», поддерживают коммуникативную связь подземельников с остальным светским миром, пока сами не смогут получить второе крещение.

Перекрещенцы признавались свободными от греха и «антихристовой» власти, они ограничивались в возможности покинуть свою подземную келью: «Большую важность они приписывают подземному житию. Так если которое дитя или даже взрослый не уживется в подземелье и бежит оттуда в мир, таковому, полагают, уже нет более покаяния “Погибе таковой от Бога и от человек”» [24. С. 659]. Суровые обеты, которые накладывают на себя сектанты, прошедшие новое крещение, должны подчеркнуть отделение новокрещенного от остальной религиозной общины, приобретение им статуса «живого мертвеца», к которому неприменимы законы посюстороннего мира, напротив, попытка его вернуться к нормам обыденной жизни будет рассматриваться как кощунство.

Эта категория перекрещенцев не просто пользовалась особым авторитетом. Их выделенность внутри религиозной общины была связана с их переходным витальным статусом. Они не просто не принадлежали этому миру, их функции и поведение подчеркивали принадлежность потустороннему миру. Подполье как место пребывания такого «живого мертвеца» выполняло свою ритуальную функцию в обряде «красной смерти». В Костромской губернии рассматривалось несколько дел о сектантах в связи с применением обычая «красной смерти». Мужу, приехавшему навестить заболевшую жену, супруга сообщила, что ее уже отчитали, скоро «красная смерть» придет: «Мужик залез на печь в угол и стал ждать... Через четверть часа является из подполья молодой человек с красной подушкой, навалился на больную и начинает ее

душить. Муж соскочил с печи. Парень видит – дело плохо, схватил подушку и отправился назад, туда же... Муж собрал жену и увез домой, которая, как слышно, еще долго жила» [4. С. 265].

То есть ритуал выполняется только человеком, который, отрекшись от этого мира, принадлежит миру иному. Перед ним стояла цель: через ритуал «красной смерти» очистить от грехов сектанта, находящегося в переходном состоянии (смертельно больного), тем самым обеспечить спасение его души. Через обряд крещения, наречения нового имени сектант отторгался от общинной структуры и попадал в структуру, скажем, антивитальную, замкнутую. Ритуал «красной смерти» должен был означать новое духовное рождение сектанта. Странноприимцы и сам подземельник образовывали временную подсистему. Пещера являлась местом, где экзистенциальный статус человека-подземельника менялся через контакт с сакральным. Через этот контакт, сопровождавшийся состояниями измененного сознания [18. С. 525–529], преодолевалась личная ущербность, преобразовывалась картина мира путем непосредственного контакта ущербной личности с высшим инореальным миром. При этом целевая установка религиозного опыта пещерника концентрировалась за пределами воспроизводящего цикла общества. Взаимодействие через «святого» пещерника со сферой сакрального помогало верующему преодолеть чувство бессилия по отношению к источнику такого кризиса – действительности, недоступной для целенаправленного регулирования.

Вмешательство подпольника в жизнь религиозной общины носило императивный характер, поскольку он представлялся проводником воли свыше. Такой «религиозный виртуоз» оказывался особенно востребован в условиях как личного, так и социального кризиса как религиозный лидер.

Обряд «красной смерти» мог иметь разные варианты. Соответствующие аналоги также встречались в Воронежском Подонье, например в с. Костенки, где известно самосожжение сектантов в пещере. Печально известна деревня Копены Аткарского уезда Саратовской губернии, где неоднократно сектанты совершали суициды в пещере. Д.Л. Мордовцев в своей статье «Борьба с расколом в Поволжье» [11. С. 514] привел духовный стих, бытовавший в среде сектантов д. Копены:

Народился Дух нечистый,
Народился злой антихрист:
спусти он свою прелесть
по городам и по весям.

Людей многих изгоняет,
В свою веру принуждает,
Своих попов поставляет,
Злых судей насылает,
Злы словеса разглашает.
А вы, светы, не сдавайтесь
Тому змею седмглаву.
Вы бегите в горвертепы,
Поставьте костры большие,
Положите сер-горючий,
телеса свои сожгите.
Пострадайте за меня вы,
За мою веру за праву,
Я за то Вам, мои светы,
Отворю светлицы райски,
В небесно введу в царство.

Этот текст санкционирует от лица Бога самоубийство как единственный выход из антагонистического противостояния между легитимными церковными и светскими институтами и альтернативными религиозными структурами сектантов. В д. Копены помимо попытки массового сожжения сектантов в пещере в 1802 г. [12] известен такой изуверский факт, когда крестьянин Александр Петров отрубил головы 35 человекам с целью «произведения их в мученики» [9. С. 44].

Известны локальные варианты подобного обряда среди сектантов подпольников в с. Синенькие Саратовской губернии. В отличие от рассмотренного выше варианта, он подразумевал коллективное участие в обряде «красной смерти». «Гарантированный» благополучный переход сектанта в Царствие Небесное осуществляется посредством иного аналога подземного пространства чем пещера – гроб. В «Саратовских епархиальных ведомостях» был описан один из таких обрядов: «В последнее время среди подпольников распространился обычай мученичества. Он состоит в следующем: делают гроб, накалывают внутри его гвоздей и в такой гроб кладут человека, находящегося при смерти, забивают наглухо, начинают гроб катать по земле до тех пор, пока заключенный не испустит дух, а затем к гробу привязывают тяжесть и опускают в Волгу. При катании гроба припевают: “Пошла душа в рай, право слово пошла в рай. Ей Богу пошла в рай. Умереть такой смертью для раскольника хорошо – будешь, истинный мученик перед Богом”» [23. С. 787]. В этом тексте также прослеживается переходное состояние человека, над которым совершается обряд. Это – умирающий. Особенность обряда заключается в том, что «проводником», гарантирующим спасение вновь пре-

ставившегося, выступает не старец, прошедший «второе крещение», а вербальный императив, многократно утверждающий спасение души как свершившийся акт: «Пошла душа в рай, право слово пошла в рай. Ей Богу пошла в рай». Изуверство как форма социально-религиозного протеста проявлялось довольно широко. Развитие таких сект демонстрировало кризис существующей рациональной бюрократической или церковной системы.

Таким образом, несмотря на различия и формы обряда, семантика его остается неизменной. Информация о подобных обрядах довольно широко циркулировала вне религиозных общин, которым приписывалось подобное явление, но это, как ни странно, не препятствовало стабильному существованию и даже их росту. Вопрос о причине успешного воспроизводства сект с деструктивными практиками представляет особый интерес. Секты, практикующие «очистительные смерти», могли воспроизводиться только в том случае, если образовавшиеся «вакансии» заполнялись новыми адептами. Это возможно в ситуации, когда противостояние между сектой («своими») и миром («чужими») становилось частью общего целеполагающего ритуала. Власть своими преследованиями сектантов выполняла ожидаемую от них роль Антихриста и «обеспечивала» стабильное воспроизводство таких религиозных общин вплоть до начала XX в. Причины сохранения традиций пещерничества среди девиантных религиозных организаций оказались связаны непосредственно с разными системами ценностей в бюрократизированном церковном аппарате Российской империи и народной религиозностью. Власть чаще всего относит запрещенных пещерников к категории преступников. Преимущественно она видит в них мошенников [30. С. 8–12], но в публицистике XIX–начала XX в. мы встретили определения, которые описывают состояние пещерников как болезненное [10. С. 19]. Народная религиозность предпочтительно меряет отношения разрешенного и запрещенного религиозного поведения не социальными понятиями «преступления», а именно религиозными понятиями «добра» и «зла». Пещерничество как принадлежащее к сфере священного, в том числе и по своей атрибутике, визуальным, вербальным кодам, относится ими именно к «доброту». Отнесение пещерничества как поведения в сферу девиации властью произошло только после того, когда оно стало принятой нормой среди очень крупной «успешной» девиационной группы населения – старообрядцев, а бюрократический институт перестал

фактически нуждаться в мистических формах легитимации. Мы сталкиваемся с проблемой, когда само понятие девиации не является однородным для большинства членов общества.

Вопрос, почему формы девиантного поведения усваиваются лишь некоторыми членами общества, рассматривался представителями разных школ. Однако, анализируя тексты Царицынского жандармского отделения по делу о назарях-еноховцах, наблюдения православных миссионеров за подпольниками, можно согласиться с представителем культурологического направления Эдвином Сатерленд, который объяснял распространение «отклоняющегося поведения» через «обучение», регулярные контакты со средой-носителем отклоняющегося поведения. Так, успешно проповедовала учение еноховцев Екатерина Доценкова [19. Л. 134]. В юрте Нагавской и Есауловой станиц подпольничество распространялось двумя путями: через родственные связи и обучение.

Первый путь, через родственные связи между сектантами разных населенных пунктов, прослеживается на материале хуторов юрта Нагавской станицы. Но действительное влияние наставника через своих родственников сталкивается с внутренним логическим противоречием, поскольку сами перекрещенцы декларировали разрыв семейных и остальных связей, соединявших их с общиной: «Скрывшиеся в подполье родственные связи отрицают и между собой называются брат и сестра, а пред внешними “рабы Божии”». Паспорты иметь считают грехом. Деньги в руки не берут. Браков у подпольников нет» [24. С. 786]. Однако описанные сектантские нормы имели интегративное значение для секты. Это внутреннее противостояние социальным нормам связано с идеей о воплощении Антихриста в существующих институтах власти и церкви и является формой отказа от признания действующих норм. Подземный затвор весьма удачно отражал это противостояние, поскольку пещера не только пространственно была противоположна наземному структурированному пространству, но и семантически отражала неструктурированное пространство, неопределенность, бесконечность. Все это отражалось на статусе пещерника, выведенного из производственного цикла общины и отнесенного к сфере сакрального. Т.Б. Щепанская также отмечала, что пещера по отношению к поселению являлись неструктурированным пространством, противополож-

ным оседлому, т.е. свободным от мирских норм, как моральных, так и социальных [31. С. 251].

Второй путь, связанный с обучением наставником Прокланом Федотьевым Минаевым своих ближайших сподвижников, связан со структуризацией секты. Ученики Проклана продолжили после смерти своего учителя распространение своего вероучения. «Проклан перенес свою проповедь в хутор Киреевский, где с успехом стал пополнять ряды странничества за счет старообрядцев и православных. По смерти Минаева штаб в хуторе Киреевском обосновался в следующем составе: Казак Яков Расстегаев выдает себя за настоятеля секты. Помощником его состоят казаки Максим Иванов (отстал от православия) и Афиноген Санеев (из австрийского окружного толка), секретно проживающий тут же казак Есауловой станицы Ипатий Ермилов состоит крестителем» [24. С. 601]. Создание иерархии способствовало активному вовлечению в секту казаков в хуторах Киреево, Кибиреево Нагавской станицы; хуторах Тарасов, Ольховском станицы Есауловской; хуторах Подольховском, Нижнее-кибереевском станицы Кобылянской и других.

В 1905 г. был принят закон о свободе вероисповедания. После прекращения религиозного давления растерянность охватила многие секты и толки старообрядчества, из них начался отток молодежи. Этот факт в 1905–1907 гг. зафиксировали епархиальные отчеты как Донской, так и Саратовской епархии. Культурные ценности, нормы и связи в этот период становятся как никогда противоречивыми. Но религиозные преследования сменились политическими, поскольку назореи-еноховцы проповедовали, что теперь царствует не законный государь, а антихрист.

Можно сказать, что в начале XX в. пещерничество выходит на новый уровень интеграции. В 1911 г. на строительство катакомб в Царицыне записалась 991 семья, «может быть тысяч семь, а пять тысяч человек наверно будет» – смеялся пещерокопатель о. Илиодор (С. Труфанов) [28. Л. 299]. Через несколько лет он, подписав кровью свое отречение от православия, использовал подземные галереи Новой Галилеи для подготовки терактов [27. С. 74]. В сектантстве наибольшее значение приобретает харизма пещерокопателя либо затворника, его «чудотворные способности», знаки «богоизбранности» и противопоставление «оскверненного земного мира» «спасительным» пещерам. В.А. Агарков сообщает в своих мемуарах, что волна эсхатологических ожиданий охва-

тила сектантов с. Заплавного в 30-х гг. при организации колхоза [1. С. 425]. Лидер заплавненских еноховцев М. Шашков призвал сектантов замуроваться в пещерах. Именно сектантов В.А. Агарков считает ответственными за гибель последней лжебогородицы Анфисы Момотовой – Варсанофии. Автор сообщает, что большинство ходов заплавненского «Нового Сиона» было обрушено самими сектантами.

Подводя итоги роли культовых пещер и пещерников в сохранении гонимых конфессий на территории Нижнего Поволжья и Подонья, можно сказать следующее: жесткая последовательная политика преследования сектантов и гонение на пещерокопательство имели под собой вполне вескую основу. Сакрализация подземного пространства со стороны простого народа определялась сложным комплексом как христианских, так и более архаичных традиций. Для религиозной народной среды любая почитаемая пещера имела особое мистическое значение, заключавшееся в ее способности сакральным образом регулировать кризисные ситуации разного характера. Чтимая пещера как место иерофании являлась источником сакральной легитимации и подчас подменяла религиозный контроль, осуществлявшийся институтами церкви.

Власти же оценивали пещерокопателей и их пещеры как возможный рассадник суеверий, мошенничества, место укрывательства уголовных элементов, а самое главное – как опасный политически нелояльный элемент. Социальный контроль над пещерничеством в преследуемых группах людей оказывался более жестким, чем над самой преследуемой группой. Пещерников сектантов и старообрядцев чаще всего изолировали в ссылке или тюрьме либо «обособливали» в монастырях. В то время как к самой «иноконфессиональной группе» старообрядцев часто применялись также средства более мягкой «реабилитации», например собеседования с миссионерами. Этот жесткий характер преследования пещерничества объясняется именно интеграционным значением таких пещерников в старообрядческих общинах и высоким уровнем влияния их на православных «конформистов». Политическое преследование радикальных сект провоцировало развитие антагонистических отношений между преследователями и гонимыми и способствовало воспроизводству сект, использующих подземные культовые сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарков В.А. Трудное детство. Мемуары. Рукопись // Фонд музея с. Заплавное, Волгоградской области 1988 г. – 525 с.
2. Артемьев А.И. Краткая записка о современном положении раскольников в Саратовской губернии // РНБ. Отдел рукописей. – Ф. 37. № 273. 26.09.1855.
3. Броневский В. История Донского войска. – Ч. 1. – СПб., 1834. – 670 с.
4. Вопрос о душительстве у бегунов // Миссионерское обозрение. – 1900. – Июль–август.
5. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. – СПб., 1889. – 335 с.
6. Интервью и. Фелицаты // Церковь. – 1913. – № 52. – С. 1256–1258.
7. Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. – М. : Наука, 1999. – С. 7–81.
8. Котов В.Г. Палеолитическое святилище со следами культа пещерного медведя на Южном Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики : Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб., 2000. – С. 37–40.
9. Леопольдов А.Ф. О расколе по Саратовской губернии // Труды СУАК. – Саратов, 1903. – Вып. 23. – С. 37–159.
10. Мизякин Л.Т. Черемшан. – Саратов, 1909. – 76 с.
11. Мордовцев Д.Л. Борьба с расколом в Поволжье // Исторические Прописи : в 2 т. – 1873. – 514 с.
12. О крестьянах с. Копен Саратовской губернии, ввавших в ересь и пытавшихся сжечься в каменной пещере // РГИА. Ф. 796. О. 83. № 721. г. 1802.
13. Отчет о состоянии Саратовской епархии за 1909 г. // РГИА. Ф. 796. О. 442. Д. 2353.
14. Отчет Саратовской епархии за 1909 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2353.
15. Палеолит СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М. : Наука, 1984. – 380 с.
16. По записке министра юстиции о заживо погребенных сектантах в Терновских плавнях близ г. Тирасполя // РГИА. Ф. 797. О. 67. 2 Отд. 3 стол, № 169.
17. Повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чудес исповедание преподобнаго отца нашего игумена и строителя Иова, иже многия святыя обители создаваша своими боговдохновенными труды, наипаче же пречестные Лавры святаго великомученика Димитрия Солуньскаго чудотворца во пределах града Рыльска, на Семи реце на горах Львовских создаваша, в poste просияваша // Родина. – 1990. – № 9. – С. 48–55.
18. Полева Ю.В. Религиозный опыт пещерничества как субъективный аспект культа пещер в Нижнем Поволжье и Подонье // Человек в современных философских концепциях : материалы 4 Междунар. конф. г. Волгоград : в 4 т. – Т. 3 / отв. ред. Н.В. Омельченко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 525–529.

19. Протокол от 2.02.1899 об изъятии двух рукописей у крестьянки Царицынского у. Екатерины Доценковой. Письмо от Старца Лукьяныча // ГАСО. Ф.53. Саратовское губернское жандармское управление О.1. Д. 78.
20. Распросные речи раскольников, пойманных на р. Теляузик 15–16 апреля 1689 г. // Дополнения к Актам историческим. – Т. XII. – СПб., 1872. – С. 274.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 422/394. Л. 245.
22. *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. – М. : Вече, 2004. – 432 с.
23. Св. П. Т-ъ. Раскол на нагорной стороне Волги // Саратовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 18. – С. 785–787.
24. Секта странников в Нагавской станице Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. – 1898. – № 23–26. – С. 600–680.
25. *Степкин В.В.* История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола // Культовые пещеры Среднего Дона : сб. ст. / сост. М.Ю. Сохин. – Вып. 4. – М., 2004. – С. 18–29.
26. *Сухоруков В.Д.* Краткое известие о бывшем на Дону г. Черкасск // Северный архив. – 1823. – № 20. – С. 38–40.
27. *Trufanov S.* The mad monk of Russia Iliodor. – New York : Century Co., 1918.
28. Царицынское жандармское отделение. Секретно. Начальнику Саратовского губернского жандармского правления. Донесение по наблюдению за О. Илиодором // ГАВО. Ф.6. О.1. Д.273. Д. 304.
29. *Часовников В.* Донская археология и этнография // Дон. – 1887. – № 1. – С. 23–38.
30. *Шалкинский А.* Обзорение раскола в Саратовской епархии 1891 г. – Саратов, 1892. – 64 с.
31. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003. – 528 с.

Волгоградская государственная академия физической культуры
Ю.В. Полева, преподаватель кафедры философии
vgafk@vlink.ru
Тел. 23-01-95

The Volgograd State Academy of Physical Education
U.V. Poleva, the lecture of the department of
philosophy
vgafk@vlink.ru
Tel. 23-01-95